

ЛЕКЦИЯ 22

Сегодня у нас последняя лекция. Она будет посвящена теме церковных служений, хотя по смыслу нашего курса нужно было бы еще о многом рассказать и действительно церковное предание включает в себя еще многие стороны жизни христианина. Но необъятное объять никто не может, поэтому сегодня на этом мы закончим. Может быть, потом мы сможем расширить свои познания в этом направлении.

Под церковными служениями мы понимаем те служения, которые не входят в служение трех степеней церковной иерархии: епископа, священника и диакона. Понятно, что служение Церкви не ограничивается этими тремя степенями. Обращаясь к Св.Писанию, мы находим у ап.Павла в Послании к Коринфянам такие слова: "Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать. Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение"(14:1-3).

В другом месте (12:1-31) он говорит: "Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных. Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас. Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым. Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Телор же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам:вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями — 2 ями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший".

Эта длинная цитата дает нам ясное представление о том, как еще в апостольское время понималась церковная жизнь. В ней было множество разных служений, и у апостола мы находим учение о природе этих служений. Все они имеют основание в Духе Святом, в благодати Божией, они являются как бы харизмой, особым благодатным даром, который дается этому данному члену Церкви.

Мы говорили о том, что жизнь первохристиан была харизматичной. Не было еще Писания, Евангелия и апостольских посланий. Сначала было только устное предание. Но и оно не было столь богатым, как теперь, потому что прошло еще очень мало исторического времени, было мало опыта. Христиан было не так много, многие стороны жизни, многие исторические коллизии еще не были испытаны. Не было богословской науки, не всегда можно было спросить у более опытного человека, как поступить. Но в Церкви действовала благодать Св.Духа очевидно, видимым образом, т.к. каждый христианин чувствовал совершенно несомненно действие этой благодати. И ап.Павел изображал это так. Лука пишет об ап.Павле: мы двинулись в такую-то страну, и Дух Святой не пошел с нами. Тогда мы вернулись и пошли в другую сторону, и Дух Святой пошел с нами. Для них было очевидно, когда они пребывают в Духе Святом. И если в Духе Святом, значит все правильно, все хорошо. Если нет — так жить не годится, что-то не так, Богу что-то не угодно и нужно искать удобное Богу направление жизни.

Это замечательным образом созвучно словам прп.Серафима, сказанным Мотовилову в беседе о смысле и цели христианской жизни: "Если вы, выше боголюбие, в Духе Святом, то нечего беспокоиться, значит все хорошо. А если почему-либо вы чувствуете, что Дух Святой оставил вас, значит что-то вы не так

делали, значит вы погрешили и надо молиться и вопрошать Господа: в чем я согрешил? И каяться в этом, и добиваться прощения, пока Господь Дух Святой снова не придет к вам".

Это учение прп.Серафима через 18 веков совершенно тождественно тому, что мы находим в Св.Писании. Настоящий опыт жизни в Боге всегда один и тот же. И именно такая жизнь является нормой, она должна существовать в Церкви. Это жизнь святая, праведная, благодатная. Но хотя и в наше время есть такие святые люди, живущие благодатью Божией, знающие волю Божию, тем не менее мы вынуждены признать, что в истории чем дальше, тем сильнее совершается отход от такой жизни. И масса людей, которые называли и называют себя христианами, как правило, такой жизни не знают. Они не умеют различать волю Божию и ощущать благодать Св.Духа в своем сердце. Они просто не умеют жить в Боге, жить благодатной жизнью. И если случится человеку когда-нибудь в жизни испытать такое благодатное присутствие, то он уже этому бесконечно радуется и запоминает это как самый счастливый момент своей жизни, как момент особенной милости Божией. Потому что, как правило, вся его жизнь проходит иначе, она бывает безблагодатной. Почему? Потому что нет той любви, нет той веры, нет того усердия, как говорил сам прп.Серафим, которое было у первохристиан. Нет того самоотвержения, того целомудрия, той чистоты, нет желания жить в Боге — такого, как говорили святые, огненпального желания, т.е. такого же

— 3 лания, которое возжигает сердце огнем. Желания жить с Богом, Богу отдать всю свою жизнь. Такого желания нет у громадной массы людей, называющих себя христианами. Поэтому совершенно утерян тот строй жизни, который был характерен для первохристиан.

Харизматическая жизнь. Следовательно, и дары были тоже харизматическими, так они и называются. Как они выглядели? Мы можем теперь только предполагать, только попытаться представить себе, какую была эта жизнь. По-видимому, это было так: христианин, поверив в Бога, принимал Св.Крещение и уподоблялся какому-то благодатного дара. И он этот дар чувствовал в себе, этот дар его призывал к служению, побуждал его служить Церкви. Мы знаем, как апостолы, когда благодать Св.Духа в Пятидесятницу сошла на них, тут же вышли на кровлю и стали проповедовать на разных языках, так что каждый пришедший в Иудею на праздник слышал свой язык. Это было чудо, дивное зрелище, когда 12 апостолов одновременно говорили на 12 языках об одном и том же. Это чудо было столь поразительным, что множество людей решили креститься и пришли к апостолам с верой.

Такой дар языков, описанный в Деяниях, является редчайшим, особенным даром, известным только в апостольское время. Вероятно, бывали такие чудесные дары и потом, но они никогда не бывали такими массовыми, такими систематическими служениями, как это было в первое. Тогда дар языков был очень хорошо известен христианам. Правда, мы находим уже в Посланиях ап.Павла мы находим несколько иное описание этого дара. Там рассказывается о том, что человек чувствует в себе благодать и начинает говорить на каком-то языке, совершенно ему непонятном, на каком-то таинственном языке. Очевидно, что это происходит от благодатного действия Божия, от какого-то благодатного восторга. Тем не менее этот дар внушает ап.Павлу некое сомнение, и он даже говорит, что лучше пять слов сказать на понятном языке, чем множество слов на никому не понятном. А если уж что-то говорить таким непонятным образом, то пусть найдется пророк, который будет истолковывать эти откровения, сможет их донести до окружающих. Но снова ап.Павел подчеркивает, что предпочтительнее другие дары, которые будут служить Церкви более определенным образом. Не просто будут восторгом и выражением этого восторга, каких-то озарений, а будут полезными всей Церкви. Он уже тогда испытывает некоторые опасения. Были другие дары — пророческие, когда в собрании церковном кто-нибудь один, а может быть, не один, вдруг ощущал присутствие некоего откровения, ему сообщалось некоторое знание. Он выходил на середину и говорил: так мне говорит Господь, будет то-то и то-то. В Деяниях описан такой случай, когда вышел такой человек, взял пояс ап.Павла и сказал: так говорит Дух Святой — человек, которому принадлежит этот пояс, будет связан в Иерусалиме. И связал этот пояс. Так это и произошло: ап.Павел был арестован. Такие пророческие дары тоже были очень распространены. Были также дары чудотворений, дары исцелений, дары назидательного слова, проповеди, дар учительства. Все это особым образом украшало и отличало жизнь первохристиан.

Но весьма скоро появляется нечто другое. Апостолы уходят из этого мира, на их место становятся епископы. И с первохристианских времен мы находим уже практику архиерейского поставления на церковное служение. Требуется архиерейское благословение и поставление (как впоследствии стали называть хиротесия), т.е. некоторое рукоположение не на священническое,

— 4 диаконское или епископское служение, но на какие-то меньшие степени церковных служений. Появились рукоположения во чтеца, певца; рукополагали диаконисс, получали благословение дидакалы (церковные учителя). И всякое служение в Церкви должно было быть с благословения епископского — харизматический способ жизни уходил из Церкви. Уменьшалась ревность христиан, их способность жить детски-благодатной жизнью и появлялась опасность, что вместо явного благодатного состояния появилась некая прелесть и люди будут говорить, что они чувствуют что-то или слышат от

Бога, а на самом деле они этого не слышат, и это будет обман, прелесть. Чтобы избежать такого самообмана, такого прельщения, приходится ввести церковную дисциплину, приходится сказать: без благословения и поставления архиерейского никто пусть не дерзает ничего делать в Церкви и выдавать себя за кого-либо. Это вынужденная мера, она сохранилась в Церкви на все последующие века.

Но служения церковные остались. Правда, они стали немного меняться. Если в первое время мы находим такой распространенный дар — дар языков (по-гречески голосолалия), то постепенно этот дар уходит, мы не видим упоминаний о нем в последующие времена. Весьма редким даром делается и дар пророческий или дар чудотворений, исцелений. Эти дары теперь усваиваются как бы нами и Церковью не всем христианам, а святым людям и делаются как бы характерным отличием святых людей, угодников Божиих. И Церковь как бы проникается таким критерием, что обычные христиане не могут творить таких чудес, они даются только в ответ на праведную, святую жизнь и характерны именно для святых.

Зато появляется и растет служение церковное, которое вызвано к жизни ростом Церкви — служение диаконов. Служение диаконов очень быстро развивается в Церкви, причем не в нашем понимании как помощников при служении, а служения общественные, благотворительные, милосердные. Конечно, церковные служения развиваются, потому что в Церковь приходит все больше и больше людей, среди них много больных, престарелых, есть сироты, инвалиды, бедные люди или многодетные, которым требуется помощь: детей нужно учить, воспитывать. Поэтому развиваются диаконические служения.

Первые века знают много замечательных диаконов, многие из них причислены к лику святых. Диаконы не могут исполнять диаконовское служение при богослужении, и это название вовсе не означает, что в первые века были священницы или диаконы как младшие священники. Они были помощниками епископов и пресвитеров в общественном служении благотворительном, милосердном служении: они ходили по тюрьмам, по больницам, помогали в Церкви при крещении, помогали содержать в порядке храмы, помогали кормить бедных или тех, кто храму служил. Собственно, это было все то, что сохранилось и в нашей церковной жизни, только тогда это было более развито, чем теперь. По мере хода времени развивается богослужение, потому развиваются и потребности церковной службы. В церкви нужно много читать, много петь, со временем появляются иконописцы, необходимо шить, вышивать облачение. Все это требует многих трудов. Отсюда появляются и чины поставления в чтеца, певца.

Всякое служение церковное было, конечно, тоже избранием. Никогда в Церкви не было такого порядка, что тот, кто послужил Церкви, тот Церковь облагодетельствовал и поэтому ему Церковь должна заплатить или очень его благодарить. Наоборот: всегда считалось служение Церкви даром Божиим. Если тебя избрали на служение церковное, то, значит, ты получил дар от Бога и дол

— 5 жен благодарить Бога за это служение. Так было в отношении высших священных степеней, так было и в отношении низших степеней церковного служения. Это было избрание, и если ты получил его, ты должен благодарить Бога и служить Церкви бескорыстно — без тщеславия, без честолюбия, без всякого карьеризма. Ты должен радоваться, что можешь внести свою лепту в жизнь церковную и послужить Богу.

Здесь мы находим резкое отличие нашей сегодняшней жизни от жизни древних христиан, уже не харизматиков первого века, но тех чтецов, певцов, диаконов, которые в первые и последующие века христианства полагали свою жизнь на служение Богу. Тогда у каждой церковной общины было множество своих забот: были свои больные, устраивались собственные богадельни. Был обычай строить больницы при храмах, потом он ушел и возродился в более позднее время в другом виде, когда храмы стали строить при больницах. А в древности больницы строились при храмах, потому что вокруг храмов шла вся жизнь.

Естественно, что в общине каждый имел свое место и свое служение — так же как и в теле человека все имеет свой смысл, свое назначение и свое служение. Нет бессмысленных частей или членов тела. Так и в теле церковном каждый имел свое место и служение, свое назначение. В наше время стало по-другому: в истории укоренилась плачевная картина, когда резко отличаются клирики и причетники (так называются те, кто должен петь, читать, стоять за ящиком или убирать храм — причт церковный) от прихожан — тех, кто живет вокруг храма и приходит в храм, чтобы что-то получить от Церкви: исповедаться, причаститься, креститься, венчаться, отпеться, отслужить молебен. Одним словом, что-то заказать и получить, а исполнять это будут причетники. То есть возникают отношения такие, как в

некоем магазине духовных нужд. Подобно тому, как мы (доведем пример до крайности, чтобы он стал очевидным), когда нам нужно что-то в магазине, приходим туда и знаем, что есть сотрудники магазина, а есть другие люди, и это люди совсем разные. Мне нужно, я пойду спрошу у сотрудника в магазине, что где продается, сколько стоит, попрошу упаковать что-то. Заплатил и ушел

4оттуда.

4Подобное отношение к храмовой жизни в значительной
4степени уже давно в истории делается доминирующим. Более того,
4теряется вообще память даже о том, что были отношения другие,
4что когда-то были общины, что Церковь вообще есть община, есть
4Тело Христово. Конечно, в богословии это сохранилось и в
4семинарии мы учились и учим тому, что Церковь есть мистическое
4Тело Христово. То есть мы, кто причащается Св.Христовых Таин,
4одного Тела и Крови Христовых, мы соединяемся в одно тело. Это
4всегда осознавалось и так было, и действительно телом таким
4Церковь оставалась. Но это часто бывало похоже на тело
4человека, лежащего в тяжелейшем инсульте. Действительно, это
4одно тело, в котором еще кровь как-то по жилам течет, но
4только ни рукой, ни ногой, ни языком, ни головой это тело не
4владеет, они ему не служат, а являются тяжелым привеском,
4нагрузкой, и нужно, чтобы кто-то приходил и поворачивал это
4тело, чтобы у него пролежней не было.

4К сожалению, наша церковная жизнь стала похожа на такого
4вот больного человека, который утратил способность ходить,
4что-то слышать ушами, видеть глазами, говорить языком. Все в
4нем истлело, осталось только последнее дыхание жизни и кровь
4еще движется по жизни. На такого полумертвеца очень част 0о
4походит современная Церковь в ее земном смысле. Не подумайте,

— 6 —

4что я хочу умалить Церковь Христову, она всегда тождественна
4сама себе, всегда непорочна и совершенна. Но в каком смысле? В
4смысле духовном, в смысле вечном, в смысле своей полноты. В
4богословии мы имеем такое разделение: Церковь воинствующая,
4земная, и Церковь торжествующая, небесная. Это разделение
4несколько условно и я его не очень люблю, потому что оно
4упрощает картину, но все-таки мы часто говорим о земной жизни

4Церкви и о Церкви 0Царства Н 4ебесно 0го 4. 0Я, конечно, имею в виду только земную жизнь Церкви,
которая может быть и бывает в истории ущербной. И все это как раз и проявляется в упадке церковных
служений, хотя, конечно, не только здесь. Но более всего именно здесь.

Как уже говорилось, мы находим постоянный упадок в совершении таинств, в совершении пастырского
служения. Но, может быть, самое разительное падение церковной жизни видно именно в забвении,
каком-то полном омертвлении церковного служения. Где теперь диакониссы, кто о них помнит? Их
просто нет. На протяжении второй половины 20 века или, может быть, всего 20 века, богословы
взывают о том, чтобы возродить диаконисс, но этого не происходит. А кто теперь где-либо видел
поставленных чтецов или певцов? Не находим мы этого. Мы видим теперь, что епископ рукополагает в
чтеца только лишь непосредственно перед хиротонией в диаконы. Почему? Потому что не находим мы
таких чтецов, которые действительно готовы принять это как свое церковное служение. Ведь оно ко
многому обязывает. После такой хиротесии уже нельзя было жениться. Так где же эти люди, которые
решили посвятить себя служению чтеца? Таких людей мы не видим. Тем более не видим мы таких
певцов. Но видим обратное: на правом клиросе у нас стоят сплошь и рядом неверующие люди, иногда
некрещеные, иногда мусульмане и поют "Иже херувимы" просто потому, что у них есть голос, слух и
музыкальное образование и они хотят заработать. До недавнего времени это был неплохой способ
заработать. А во время шестопсалмия можно выйти покурить.

Это все, к сожалению, наши будни, наша сегодняшняя церковная жизнь. Сейчас, когда наступило
некоторое отдохновение, что ли, историческое, кажется, что все-таки есть настоящие певцы и хоры. Да,
сейчас благодатный момент: денег стало мало в Церкви и певцы дорогостоящие реже могут найти такой
клирос, где получают нужную зарплату. Это очень хорошо, и я очень рад и желаю, чтобы не осталось ни
одного правого хора в нашей Церкви, который вот таким образом живет. Потому что на правом хоре
даже узаконено было, что певцов приводит регент, священник даже не знает, кто сегодня поет литургию
или какой там встал грешник или не грешник. Произносится во время литургии : "Оглашenni,
изыдите!", но никому из правого хора не приходит в голову выйти, потому что он не верит в Бога. Не
просто оглашenni, а некрещenni и не собирающийся креститься.

Я еще помню таких певчих, которые говорили: "Мы доброе дело делаем, мы попов раздаиваем".
Значит, у Церкви деньги отнимаем. Такие хулиганы еще недавно пели у нас на клиросе.

Скажу еще и о другом. Церковь в древности знала служение ктитора, т.е. попечителя о храме. И поэтому у нас ретивые диаконы в 20 веке очень часто поминали ктитора такого-то, хотя ктиторов эти давно уже не существуют, а существуют старосты, которые в течение многих десятилетий засылались исполкомами или уполномоченными с целью грабить Церковь. Не быть попечителем, а просто воровать у Церкви и отдавать эти деньги в райком партии, в исполком. Так что наши храмы московские, как это ни

— 7 парадоксально, по существу говоря, содержали райкомы и исполкомы. Зарплата у них была не очень большая, поэтому они, зная, что в Церкви есть касса "левая", государством не охваченная, запускали в эту кассу руку. Люди церковные несли в храм денежки, думая, что они на Церковь их несут, а райкомы, исполкомы и их уполномоченные выгребали оттуда все дотла, так что у Церкви часто не оставалось денег ни на что, кроме зарплаты и средств, чтобы прокормить тех, кто обед варил. А если ты делал ремонт в храме, потому что крыша прохудилась, то нужно было обязательно пойти и нанять таких рабочих, которых даст опять же исполком. И они продикуют, сколько рабочих взять и сколько им заплатить. И мы платили им деньги, а потом говорили: "А теперь вы уходите, а мы все сделаем сами". Такие времена были еще недавно.

Так что церковные служения не только потерялись, но каким-то сатанинским образом извратились, сменились на что-то противоположное. Те, кого называли ктиторами, стали самыми страшными разбойниками, от которых священники не знали куда деваться и как их изжить. Вместо певчих, которые должны были совершать вместе со священником Божественную литургию, появились певцы правохорные, которые не дают возможности молиться, потому что устраивают какую-то свою оперу и ведут себя совершенно непотребно. И так далее. А все настоящее, положительное было запрещено — учить детей, оказывать благотворительную помощь. Еще недавно по советским законам Церковь не имела права никому ничем помогать. Никакая благотворительность церковная не была возможна, она была запрещена и уголовно наказуема. Так же, как уголовным преступлением считалось обучать детей религии. Если возьмешь и будешь учить двоих-троих детей, то от двух до трех лет тюрьмы полагалось за это. Это еще совсем недавно было, хотя вы уже, наверное, этого не помните. В 80-е годы все это еще было, хотя и с меньшей остротой, чем в 50-60-е годы. В 80-е годы, когда мы делали детский хор, спевки проводились то на одной, то на другой квартире, потому что это было серьезной опасностью.

Служения утратились, но это случилось не сразу. Еще до революции что-то можно было делать и что-то Церковь делала, но настолько уже был потерян дух церковного служения, что все это постепенно как бы атрофировалось. Именно поэтому и стал возможен такой переворот — атеизм советский, революция, гонения на Церковь. Потому что Церковь как бы в паралич попала, ее жизнь стала нездоровой, ненормальной. Как всякая болезнь, это состояние имело свой кризис. Обычно болезнь развивается, человеку становится все хуже, а потом наступает момент, когда он или выздоравливает, или умирает. Скажем, гангрена: человеку нужно отрезать ногу, и он выздоровеет. Нечто подобное случилось и с нами: Церковь испытала страшное гонение, оно по существу привело к тому, что многие как бы мертвые члены Церкви отпали. Здоровых членов убили, а мертвые просто отпали, испугавшись. И Церковь в значительной степени освободилась от огромного балласта номинальных христиан, которые вовсе Церкви служить не хотели, которые никогда себя не мыслили настоящими членами Церкви, а были всего-навсего прихожанами по традиции — и все.

И вот сейчас, если мы хотим, чтобы Церковь жила, чтобы действительно возрождалась церковная жизнь...(пропуск в записи), потому что если Церковь не встанет на ноги, России не будет больше.

18.05.94.